

Анна Михалевская

Два направления одного замкнутого пространства

Когда не можешь выйти вовне, идешь внутрь. Чем я и занимаюсь.

В четыре переговоры по зуму с американцами. Мама, будто только и ждала этого момента, начинает поливать цветы – вода с шипением вырывается из шланга. Я вижу, как Джонатан открывает и закрывает рот, но ничего не слышу. Наушники по хорошей традиции – одни сломаны, другие потеряны.

И чтобы маме не было скучно шуметь одной, дядя Паша включает турбинку.

Не знаю, почему это происходит именно во время моих переговоров.

Пока Джонатан неслышно рассказывает о новых функциях программы, я перебираю в голове неотложное. Докупить еще пару лекарств для Харькова. Опросить всех, куда прилетело, с эгоистичной надеждой, что прилетело не в них. Если получится, навязать помощь. Те, кому нужнее всех, как правило, молчат и сопротивляются. Закончить рассказ. Начать рецензию. Подумать, почему со мной происходит то, что происходит. В идеале – приготовить. До этого сходить за продуктами... А еще очень хочется к морю. То есть надо встать в шесть, чтобы опередить полицию и их собак...

Кто там говорит, что в войну жизнь остановилась, – я им не верю.

В блаженной паузе – у дяди Паши и его турбинки перекур, мама оставила полив и наставляет соседских детей, как им медленнее бегать и тише кричать, – мне наконец удается расслышать голос Джонатана.

Во время пятиминутного перерыва выскакиваю в палисадник и прошу маму не поливать. В глазах непонимание: и правда, что важнее ее цветов?..

Комендантский час как благословение – пружина дня распускается, можно просто сидеть на скамейке и смотреть на жизнь вокруг.

По кромке забора крадется Лева. Тень кота замирает перед навесом, танцует. Он примеривается и прыгает на крышу. Я не гоню его, понимаю: у меня свой дневной ритуал – суматоха и дела, чтобы занять ноги и голову, а у него свой ночной. Чутье подсказывает Лева: крыша безопаснее.

И еще я понимаю: если долго прятаться, можно забыть, в какой именно бархан ты воткнул со страха свою голову. И потом ее так и не найти.

Между гаражей ходит Матильда, охраняет свои владения. Частенько из темноты раздается шипение – Матильда прогоняет чужаков. Лева в выяснение отношений не вступает, он выше этого – в прямом и переносном смысле.

– У этой кошки сердце льва! – говорит дядя Паша.

Мне бы так, завидую я Матильде.

Маркиза, Матильда и Машка – любимицы дяди Паши. Но Матильда – самая любимая.

– Ты голодная? – заботливо спрашивает дядя Паша.

– Нет еще, – откликается его жена Света, она крутится рядом, сажает розы.

– Да я не тебе говорю, – отрезает дядя Паша и ласково смотрит на Матильду.

Та мерит дядю Пашу взглядом. И по настроению соглашается – подходит к тарелке.

Сосед улыбается и выглядит абсолютно счастливым.

Конечно, коты ходят за дядей Пашей, как собаки. Машку он однажды уговорил проложить для него трубу. Привязал к шее кошки новую пластиковую и запустил внутрь прохудившейся металлической, а сам ждал ее на другой стороне тоннеля. Машка нашла к нему дорогу – даже под землей.

Как и все мы, дядя Паша тоже от чего-то бежит и прячется. Как и для всех нас, это началось гораздо раньше войны. Просто сейчас все лучше видно.

Когда не можешь выйти вовне, идешь внутрь. Я нашла там много простых вещей, которых не замечала раньше. Взгляд соседского кота, оставшегося без хозяев. Цветок лунник: с приходом темноты он распускается за считанные секунды. Маленький яркий лоскут звездного неба – все, что видно ночью из нашего двора. Люди – уязвимые, неожиданные, любимые. Благодарность за каждый новый день – до слез. Холодное утреннее море – и я растворяюсь в нем.

Я нырнула в такие глубины, что, останься я там еще немного, могла бы пойти ко дну. Но все, что узнала, ничего не стоит, если не поднять это на поверхность, не вынести вовне.

Лето закончилось, ежедневные встречи с американцами тоже. Я почти не спешу, и мне не нужна тишина, чтобы постоянно заглушать свой голос чужими. Хозяева Левы вернулись, и он больше не пригибается от каждого шороха.

Кот по-прежнему прогуливается по забору, но на крышу не прыгает. Я поджидаю его, смотрю, как гибкая тень балансирует на тонкой кромке забора, и мечтаю отменить все ограничения. Хотя бы на эту секунду. Хотя бы в мыслях. Моя жизнь больше, чем палисадник и квартира на Молдаванке, чем этот двор. Чем работа и насущные заботы.

Внутри нас идет вечный бой за право выйти из замкнутого круга. И реальная война с обстрелами и смертями значит лишь то, что шаг вовне должен быть шире.

Море открыто круглосуточно. Звезды может видеть каждый. Цветы цветут для всех. И всегда у каждого в любой ситуации есть выбор – смотреть новости или создавать их.

